

**Людмила Юрьевна
ВАСИЛЕВСКАЯ,**

профессор кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
ljvasilevskaja@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Искусственный интеллект¹: проблемы гражданско-правовой квалификации

Аннотация. Следуя методологии цивилистического исследования, автор анализирует понятие искусственного интеллекта и аргументирует вывод об ошибочности признания правосубъектности искусственного интеллекта. Искусственный интеллект как результат комплексного программирования является сложным объектом гражданских прав, в составе которого находятся различные структурные элементы — результаты интеллектуальной деятельности. Рассматривается механизм приобретения права использования результатов интеллектуальной деятельности, входящих в сложный объект, лицом, организовавшим создание искусственного интеллекта. Анализируется суть законодательных изъятий из общих правил о договорах об отчуждении исключительного права и о лицензионных договорах применительно к искусственному интеллекту.

Обоснован вывод, что в отсутствие регулирования отношений по приобретению права на сложный объект следует предусмотреть: соглашение между лицом, организовавшим создание искусственного интеллекта, и каждым из правообладателей результата интеллектуальной деятельности, входящего в состав искусственного интеллекта, либо особое условие в договоре об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности в составе искусственного интеллекта или в лицензионном договоре с каждым правообладателем. Аргументирован вывод, что лицо, организовавшее создание искусственного интеллекта, при наличии рассмотренных правовых оснований приобретает не только права на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности — структурные элементы искусственного интеллекта, но и право на весь искусственный интеллект в целом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, результат интеллектуальной деятельности, сложный объект, правовой режим, исключительное право на искусственный интеллект, договор об отчуждении исключительного права, лицензионный договор.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040

¹ Автор считает, что искусственный интеллект — это условный термин и должен использоваться в кавычках.

Liudmila Ju. VASILEVSKAYA,

Professor of the Department of civil law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor
ljvasilevskaja@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Artificial Intelligence: problems of civil law qualification

Abstract. Following the methodology of civil research, the concept of artificial intelligence is analyzed and the conclusion about the fallacy of recognizing the legal personality of artificial intelligence is argued. Artificial intelligence as a result of complicated programming is a complex object of civil rights, which includes various structural elements — the results of intellectual activity. The mechanism of acquiring the right to use the results of intellectual activity included in a complex object by a person who organized the creation of artificial intelligence is considered. The essence of legislative exceptions from the general rules on agreement on the alienation of exclusive rights and license agreements in relation to artificial intelligence is analyzed. The conclusion is substantiated that in the absence of regulation of relations on the acquisition of the right to a complex object, it should be provided for: an agreement between the person who organized the creation of artificial intelligence and each of the right holders of the result of intellectual activity that is part of artificial intelligence, or a special condition provided for in the agreement on the alienation of the exclusive right to the result of intellectual activity in as part of an artificial intelligence or a license agreement with each right holder. The conclusion is reasoned that the person who organized the creation of artificial intelligence, in the presence of the considered legal grounds, acquires not only the rights to the relevant results of intellectual activity — structural elements of artificial intelligence, but also the right to the entire artificial intelligence as a whole.

Keywords: artificial intelligence, legal personality, the result of intellectual activity, complex object, legal regime, exclusive right to artificial intelligence, agreement on the alienation of the exclusive right, license agreement.

В условиях широкомасштабной цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека одной из актуальных проблем исследования, интересующих многих ученых, в том числе и юристов, стала проблема искусственного интеллекта. Не обошел ее своим вниманием и законодатель, приняв соответствующие нормативные правовые акты. Так, в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий «искусственного интеллекта» в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» (далее — Закон об искусственном интеллекте, Закон № 123-ФЗ) в пп. 2 п. 1 ст. 2 дается следующее определение искусственного

интеллекта: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Очевидно, что данное определение, с одной стороны, далеко от совершенства юридической техники, а с другой — не имеет отношения к нормативному регулированию, связанному с искусственным интеллектом. Поэтому, видимо, неслучайно существующая в цивилистике понятийная путаница в трактовке искусственного интеллекта не могла не отразиться и на позиции законодателя в этом вопросе. Публикаций по проблеме искусственного интеллекта становится все больше, а вместе с ними увеличивается и количество концептуальных неточностей и ошибок.

Выделим **основные недостатки**, существующие, на наш взгляд, в понимании и трактовке искусственного интеллекта.

Первый недостаток заключается в отсутствии методологии цивилистического исследования. Публикации по искусственному интеллекту грешат цитатничеством из англоязычных текстов, авторы не видят принципиальной разницы между понятиями искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта, хотя законодатель разводит эти понятия (ст. 2 Закона № 123-ФЗ). Рассмотрение вопросов, связанных с искусственным интеллектом, происходит чаще всего с помощью инструментария технических наук, анализ искусственного интеллекта сводится к его технической характеристике, что, на наш взгляд, недопустимо.

Каждая наука имеет свою терминологию для исследования, и, если авторы для юридической характеристики искусственного интеллекта используют понятийный аппарат технических наук, происходит механистическое смешение правовых и технических признаков анализируемого явления, что влечет отсутствие единого доктринального стержня в понимании искусственного интеллекта, абстрактные рассуждения о необходимости соответствующего правового регулирования.

Второй недостаток связан с тем, что многие авторы суть проблемы сводят к выяснению вопроса, является ли искусственный интеллект субъектом права. На данном этапе развития естественно-научного знания утверждать о возможности правосубъектности искусственного интеллекта означает не что иное, как допущение схоластики. Для каждого юриста утверждение о наделении физических и юридических лиц правосубъектностью исключительно в силу закона — базовая непреложная истина. Очевидно, что рассуждения авторов о правосубъектности искусственного интеллекта по аналогии с известными субъектами гражданского права есть не что иное, как вольная, оторванная от законодательных предписаний, субъективная интерпретация, искажающая суть основных положений науки гражданского права².

² См., например: Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о

Более того, имитация искусственным интеллектом когнитивных функций человека вовсе не означает, что искусственный интеллект посредством допускаемой законодателем технической имитации может приблизиться по своим функциям, назначению и оценке «своих» результатов к естественному интеллекту человека. Человечество и близко не подошло к тому, чтобы признавать искусственный интеллект субъектом права.

Суждения авторов о возможности наделения искусственного интеллекта правосубъектностью в настоящее время следует связывать, на наш взгляд, с целым комплексом различных причин (политических, социальных, научных и др.), среди которых необходимо учитывать прежде всего экономическую причину (первопричину), а именно: финансовый, денежный интерес крупного бизнеса, стимулирующий крупнейших производителей высокотехнологичной продукции к поиску новых механизмов активного потребления со стороны населения инновационной продукции в целях господства и контроля на рынках ее производства и сбыта, а также к отысканию новых путей и способов минимизации собственной ответственности перед потребителем³.

Третий недостаток проявляется в том, что часто искусственный интеллект отождествляется с его материальным носителем. Предлагаемые определения искусственного интеллекта как «вещи с функцией искусственного интеллекта»⁴ или «как объектов с искусственным интеллектом или как объектов с полноценным искусственным интеллектом (киберсубъекты)»⁵ вызывают недоумение. Отмеченная ошибка неминуемо приводит к смешению гражданско-правовых режимов вещей и объектов интеллектуальных прав.

Искусственный интеллект как результат творческого интеллектуального труда человека идеален по своей природе. Это означает, что он, чтобы быть воспринимаемым другими лицами, должен быть представлен в объективной, материальной форме. Такой материальной формой для идеальных продуктов, существующих на различных технических устройствах и их системах (компьютер, смартфон, планшет и проч.), является цифровая (электронная) форма, которая позволяет представить любой нематериальный результат интеллектуальной деятельности не в вещественной (предметной) форме напечатанного текста, схемы или изображения, а в иной материальной форме — цифровой, в виде знаков, цифр, программного кода, существующих на особых материальных носителях — современных

правовых режимах // Lex russica. 2019. № 9. С. 85—95 ; Энтин В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М. : Статут, 2017.

³ См.: Василювская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василювская. С. 50—51.

⁴ См.: Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 75.

⁵ См.: Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. № 4. P. 1231—1287.

способах и средствах хранения идеального результата человеческой деятельности (*BackUp*-системы)⁶.

Для искусственного интеллекта компьютерное устройство — материальный носитель всех заложенных и исполняемых на них программ, существующих в бинарном, двоичном формате — в цифровой форме⁷.

Таким образом, следует различать материальную (цифровую) форму искусственного интеллекта и его материальный носитель. Существовая на материальном носителе, искусственный интеллект может быть внедрен в любой овеществленный объект (космический аппарат, дрон, робототехническое устройство), в человека (кардиостимулятор), в животное (чипированная обезьяна) и проч.

Разграничение цифровой формы и материального носителя искусственного интеллекта имеет важное практическое значение: следует различать право собственности на вещь (материальный носитель) и исключительное право на такой результат интеллектуальной деятельности, как искусственный интеллект. Следовательно, приобретая вещь (материальный носитель искусственного интеллекта) по договору купли-продажи, покупатель не становится правообладателем искусственного интеллекта, т.е. переход права собственности на материальный носитель не означает перехода исключительного права на искусственный интеллект, существующий на материальном носителе⁸.

Таким образом, сравнение искусственного интеллекта с интеллектом человека вряд ли следует признать корректным. На современном этапе развития информационных технологий искусственный интеллект представляет собой сложное программирование, созданное человеком для решения конкретных поставленных задач. В целом с большинством задач искусственный интеллект справляется, не выходя за рамки, обозначенные программистом. Поэтому сравнение его с работой человеческого мозга есть узкое, ограниченное допущение, искажающее саму суть искусственного интеллекта.

По мнению С. А. Соменкова, «в целом проблема создания искусственного интеллекта сводится к максимально точному воспроизведению работы мозга человека с помощью технических средств. Эта задача сможет быть решена с помощью создания нейронных сетей, над созданием которых сейчас активно работают специалисты в области ИИ»⁹.

На наш взгляд, суждения автора относятся к одной из достаточно расхожих и поверхностных по своей сути точек зрения в отношении искусственного интеллекта. Данную позицию в оценке искусственного интеллекта сложно признать верной, поскольку специалисты могут разработать программы и создать инновационный продукт, не ставя перед собой задачу максимально точного воспроизведения работы мозга человека.

⁶ См. подробнее: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 72—73.

⁷ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 42.

⁸ См.: Василевская Л. Ю. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта»: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // *Хозяйство и право*. 2021. № 11. С. 7—8.

⁹ Соменков С. А. Указ. соч. С. 78.

Более того, абсолютизация искусственного интеллекта в условиях развития IT-технологий не имеет под собой объективной основы: несмотря на провозглашаемые в публикациях уникальные возможности искусственного интеллекта, связанные с функцией самообучения и поиска решений без заранее заданного алгоритма, следует признать, что искусственный интеллект и ИНС (искусственно-нейронные сети) не являются аналогами интеллекта человека, поскольку современный уровень развития нейронаук — нейрофизиологии, нейробиологии, когнитивной науки, биоинженерии — до сих пор не дает ясных и исчерпывающих представлений о механизме работы человеческого мозга, о функционале интеллекта человека.

При таких обстоятельствах говорить об имитации искусственным интеллектом когнитивных функций человека означает не что иное, как допускать явное искажение сути: в настоящее время уровень развития техники не может даже с помощью уникального высокоточного арсенала средств современной науки создать модель биологических нейронных сетей¹⁰.

В связи с этим обратим внимание на высказывание известного специалиста по компьютерной безопасности Е. Касперского: «Искусственный ли это интеллект у нас на работе? Нет, это просто компьютерные алгоритмы¹¹, в нашем случае очень хорошие, написанные с высочайшим профессионализмом, талантом и любовью к борьбе с кибернегодяйством. Называть это ИИ было бы *умышленной подменой понятий* (курсив мой. — Л. В.)»¹².

Аналогичного мнения придерживается и президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» М. Ковальчук, считая, что искусственный интеллект в настоящее время «ничего общего с интеллектом не имеет», «это просто увеличение объема вычислений, это облако»¹³.

Приведенные суждения свидетельствуют о том, что искусственный интеллект — это результат сложного программирования. Следовательно, его создание, как считают IT-специалисты, невозможно без целого комплекса охраняемых законом различных результатов интеллектуальной деятельности (РИД): алгоритмов (ноу-хау), создаваемых для исполнения программ «инструкций» (п. 1 ст. 1465 ГК РФ), изобретений как новых технических решений (п. 1 ст. 1350 ГК РФ), баз данных (п. 1 ст. 1240 и п. 1 ст. 1260 ГК РФ) и др.

Речь идет о сложноструктурном объекте гражданских прав, в котором основным системообразующим элементом, безусловно, выступают компьютерные программы. Каждый из перечисленных элементов охраняется либо авторским правом (программы для ЭВМ), либо патентным правом (изобретения), что же касается алгоритмов (ноу-хау), то законодатель, как известно, предусматривает

¹⁰ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 50—51.

¹¹ Автор, на наш взгляд, имел в виду и алгоритмы, и программы, их реализующие.

¹² Евгений Касперский: Никакого искусственного интеллекта пока нет // URL: <https://newizv.ru/comment/2/15-02-2017/252046-evgenij-kasperskij-nikakogo-iskusstvennogo-intellekta-poka-net> (дата обращения: 08.04.2023).

¹³ URL: <https://nauka/17398623> (дата обращения: 09.04.2023).

для них особый режим, отличный от правового режима иных объектов исключительных прав, входящих в структуру искусственного интеллекта¹⁴.

Искусственный интеллект, обладающий новой качественной определенностью, в отличие от входящих в его состав результатов интеллектуальной деятельности, можно рассматривать как сложный объект гражданских прав. Однако такая трактовка не согласуется с позицией законодателя, поскольку норма п. 1 ст. 1240 ГК РФ свидетельствует о закрытом перечне сложных объектов, что, на наш взгляд, противоречит реалиям имущественного оборота в сфере инноваций. Более того, отсутствие искусственного интеллекта в перечне охраняемых РИД (ст. 1225 ГК РФ) свидетельствует о неготовности законодателя к решению давно назревшей проблемы определения юридической природы искусственного интеллекта и его правового режима как объекта интеллектуальных прав.

Если признать «искусственный интеллект» сложным объектом, то механизм распоряжения исключительным правом на сложный объект порождает, как показывают доктрина и практика, немало вопросов. Так, согласно п. 1 ст. 1240 ГК РФ, лицо, организовавшее создание сложного объекта, в составе которого несколько охраняемых РИД, приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие РИД. Применительно к искусственному интеллекту это означает, что лицо, организовавшее создание искусственного интеллекта, приобретает право использования тех РИД, которые вошли в состав искусственного интеллекта (компьютерные программы, алгоритмы, технические решения, базы данных и иные охраняемые РИД). Обратим внимание, что законодатель в ст. 1240 ГК РФ устанавливает изъятия из общих правил о договорах об отчуждении исключительного права и о лицензионных договорах.

Для использования РИД в составе сложного объекта законом изменено основное правило п. 3 ст. 1233 ГК РФ: договор, направленный на распоряжение исключительным правом, по умолчанию считается лицензионным.

Суть изменений состоит в следующем. Во-первых, в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 1240 ГК РФ для приобретения права использования РИД, специально созданного или создаваемого для включения в сложный объект, заключается договор об отчуждении исключительного права, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Следовательно, по этому договору право использования РИД, специально созданного или создаваемого для включения в сложный объект, приобретает лицо, организовавшее создание сложного объекта, именно к организатору переходит в полном объеме исключительное право на определенный РИД в составе сложного объекта. Поскольку данная норма диспозитивная, по согласию между организатором создания сложного объекта и правообладателем созданного или создаваемого для включения в сложный объект РИД может быть заключен лицензионный договор.

Во-вторых, в соответствии с предписаниями ст. 1240 ГК РФ лицензионные договоры на использование результатов интеллектуальной деятельности в составе

¹⁴ Подробнее см.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Указ. соч. С. 77—78, 92—93.

сложного объекта не могут быть ограничены каким-либо сроком (в пределах действия исключительных прав) и не могут содержать условия, ограничивающие права лицензиата на использование объекта договора; такие условия признаются недействительными. По сути, указанное правило направлено на обеспечение предоставления организатору создания сложного объекта всех необходимых для использования этого объекта правомочий. Стороны вправе предусмотреть иные условия, однако при отсутствии какого-либо указания в тексте договора будут применяться не общие положения п. 3 и абз. 2 п. 4 ст. 1235 ГК РФ, а правило абз. 3 п. 1 ст. 1240 ГК РФ.

Исключительное право на РИД, входящий в состав сложного объекта, приобретаемое организатором создания сложного объекта, не следует отождествлять с правом, которое он приобретает в отношении сложного объекта в целом (*право на сложный объект*). Это означает, что, признавая искусственный интеллект сложным объектом, следует выделять единое право на искусственный интеллект, а не только отдельные права на входящие в него различные РИД.

Как указывал В. А. Дозорцев, «при охране только элементов, входящих в состав единого сложного творческого продукта, невозможно использование объекта в целом»¹⁵. По мнению известного цивилиста, речь идет о фикции авторства, которая предусматривается для того, чтобы лицо, организовавшее создание сложного объекта, наделялось правом использования объекта в целом. Таким образом, по мнению данного автора, в этом случае допустимы «условные конструкции, не отражающие реальности», посредством которых обеспечивается достижение конечного результата (создание сложного объекта)¹⁶.

Применительно к созданию искусственного интеллекта эти суждения известного специалиста по интеллектуальной собственности означают, что организатору создания сложного объекта необходимо получить от каждого правообладателя право использования РИД, находящегося в составе сложного объекта по специальным предписаниям ст. 1240 ГК РФ (договор об отчуждении исключительного права или лицензионный договор).

Очевидно, что организатору создания искусственного интеллекта необходимо заключить соответствующий договор и с авторами различных компьютерных программ, и с правообладателями ноу-хау — создателями алгоритмов, и с авторами изобретений, и с иными правообладателями РИД, входящих в состав искусственного интеллекта. Следуя суждениям В. А. Дозорцева, организатор создания искусственного интеллекта приобретает и право использования объекта в целом (*право на сложный объект*).

Регулирование отношений по приобретению права на сложный объект в ГК РФ не предусмотрено. На наш взгляд, в данном случае важно предусмотреть: 1) соглашение между лицом, организовавшим создание искусственного интеллекта, и каждым из правообладателей РИД, входящего в состав искусственного интеллекта как сложного объекта, либо 2) особое условие, предусмотренное в договоре об

¹⁵ См.: Дозорцев В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2005. С. 153—154.

¹⁶ См.: Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 153—154.

отчуждении исключительного права на РИД в составе искусственного интеллекта или в лицензионном договоре с каждым правообладателем.

Полагаем, что лицо, организовавшее создание искусственного интеллекта, при наличии указанных правовых оснований приобретает не только права на соответствующие РИД — структурные элементы искусственного интеллекта (компьютерные программы, ноу-хау, изобретения и проч.), но и право на весь искусственный интеллект в целом.

Обозначенные нами проблемы и высказанные суждения, полагаем, послужат основой для научной дискуссии по проблемам искусственного интеллекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Василевская Л. Ю.* «Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // Хозяйство и право. — 2021. — № 11. — С. 3—19.
2. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика искусственного интеллекта и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. — М. : Проспект, 2021. — Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — 288 с.
3. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. — М. : Статут, 2005. — 416 с.
4. *Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С.* Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // *Lex russica*. — 2019. — № 9. — С. 85—95.
5. *Соменков С. А.* Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2019. — № 2. — С. 75—85.
6. *Энтин В. Л.* Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). — М. : Статут, 2017. — 216 с.
7. *Solum L. B.* Legal Personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. — 1992. — Vol. 70. — № 4. — P. 1231—1287.